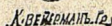

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕРЕМЬЯНЪ.

Цена на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Гриша. Разсказъ. О. Шмидтъ. —
 II. Въ Ночи. Стихъ. В. Мюръ. — III. Нашъ Югъ. Гл. VII.
 С. Лаврентьева.

Г Р И Ш А.

I.

ВЕСЕННЕЕ солнышко только что согнало первый снѣгъ съ полей и луговъ. День за днемъ становилось теплѣе; показалась молодая травка, нѣжная, яркая, словно бархатъ. Въ воздухѣ щебетали ласточки, чирикали стрижи, заливались малиновки. Сосѣдняя рѣчка бурлила, надувалась, будто и настоящая рѣка, а въ болотѣ настолько прибыло воды, что оно казалось озеромъ съ буро-

желтыми островами прошлогодняго камыша и съ темными гребнями старой осоки.

Все выползло на свѣтъ Божій: куры, гуси, утки, голуби бродили по лужамъ; собаки грѣлись на солнцѣ, откидывали лапы и хвосты и лѣниво щурились на прохожихъ; коровы бродили по задворкамъ и, казалось, дожидались, когда же, наконецъ, поведутъ ихъ въ поле; кошки плавно ходили по крышамъ и весело поглядывали на летавшихъ въ воздухѣ птичекъ, точно хотѣли сказать: не миновать вамъ нашихъ когтей! Ребятишки пачкались и плескались въ лужахъ: кто строилъ кораблики изъ щепокъ, кто мѣсилъ ногами жидкую грязь, кто лѣпилъ изъ мокрой глины горшечки, миски, тарелки, пироги, а кто и просто топтался по улицѣ—всѣмъ было весело, хорошо, радостно...

Впрочемъ нѣтъ, не всѣмъ: по улицѣ, мимо бѣдныхъ покосившихся избушекъ, понутивъ голову, брелъ мальчикъ лѣтъ девяти съ печальнымъ, опухшимъ отъ слезъ, лицомъ. Онъ не видалъ ни солнца, ни птичекъ, ни ребятъ... казалось, не замѣчалъ и дороги,—ему было не до нихъ.

— Гришутка, а Гришутка, подь къ намъ корабли дѣлать! окликнули его изъ одной лужи...

— Ну васъ! отмахнулся онъ и даже не взглянулъ на веселую игру; что-то ожесточенное мелькнуло на его лицѣ.

— Сыты вы, что вамъ дѣлается,—процѣдилъ онъ сквозь зубы и побрелъ изъ деревни.

Онъ прошелъ шаговъ двадцать по проселочной дорогѣ, потомъ свернулъ на тропинку, промежъ вспаханныхъ полей...

Гришутка уже цѣлыхъ два дня голодалъ со своею матерью и сестрою—вчера мать отдала имъ по послѣднему ломтю хлѣба, а сегодня ему пришлось идти въ деревню „просить мучицы“.

Гришутка жилъ съ своею матерью въ лѣсу, въ маленькой, бѣдной избушкѣ. Пока живъ былъ отецъ его, лѣсничій Семень, все шло по-маленьку. Семень получалъ отъ господъ жалованье, на жалованье покупалось все необходимое; правда, не хватало подь часъ, но голодать не голодали. Была и своя коровенка, которая паслась тутъ же въ лѣсу, было и куръ съ десятокъ, даже водились къ празднику свиньи и поросята. Словомъ, жилось такъ, что бѣдные мужики да бобыли завидовали:

„Семену не житье, а рай, умирать не надо! Семену ни пахать, ни сѣять—не то, что мы“!

Но видно смерть не разбираетъ, кому надо, кому не надо умирать. Стрясаясь надъ Семеновою семьею бѣда: поѣхалъ онъ въ сильный морозъ дозоромъ по лѣсу, поднялась вьюга, заблудился, да Богу душу и отдалъ—замерзъ... Нашли его на третьи сутки пробѣжые мужики—всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ просѣки и лежалъ-то. Привезли въ избу, къ Марѣ; что слезъ-то, что горя было! Вспомнилъ Гришуха—и какъ будто мурашки по тѣлу пробѣжали. А тамъ, черезъ два, три мѣсяца и нужда подкралась: продали коровенку, распродали одну за другою курочекъ—и остались ни съ чѣмъ. У Марьи на рукахъ былъ полугодовой ребенокъ, да и Гриша съ сестрой связывали ее по рукамъ, по ногамъ: Грунѣ-то только что десять лѣтъ минуло. А тутъ господскій управляющій тѣснить:

— Пора, говорить, вамъ и выбираться, и то три мѣсяца живете, мѣсто занимаете, на будущей недѣлѣ пріѣдетъ новый лѣсничій, такъ ужъ ты, Трофимовна, того, очисти избенку-то.

Легко сказать—очисти! А куда идти-то? Родные Марьи давно умерли, у Семена, отставнаго служиваго, ни роду, ни племени; въ услуженье идти, въ работницы—некуда дѣтей дѣвать, а другая—какая работа?

За три мѣсяца Марья изсохла, зачахла, постарѣла, да и дѣти похудѣли, осунулись такъ, что тяжело на нихъ было смотрѣть... Все это проходило въ мысляхъ у Гришутки, пока онъ перебиралъ босыми ноженками по скользкой тропинкѣ. Вотъ и лѣсъ: тутъ знакомы каждый пенекъ, каждая прогалинка—Гриша исходилъ его вдоль и поперекъ—онъ, вѣдь, и родился и выросъ въ немъ.

II.

Между густыми нависшими соснами, на широкой лужайкѣ стояла избушка, полусгнившая солома висѣла клочьями на крышѣ въ перемежку съ пучками хворосту; покосившееся крылечко съ одною ступенькою и ободраннѣмъ навѣсомъ точно плакало; маленькое, тусклое окошечко на по-

ловину было залѣплено бумагою, а въ остальномъ не разбитомъ стеклѣ радужными искрами переливалось солнце.

Марья сидѣла на крыльцѣ съ ребенкомъ на колѣняхъ, Груня стояла подлѣ нея. У обѣихъ глаза заплаыли отъ слезъ.

— Ну что? спросили онѣ въ одинъ голосъ.

— Никто не даетъ, мамка, вездѣ былъ, всѣ одно твердятъ: моль, не въ пору просишь, не досугъ да и нѣту, самимъ не хватаетъ.

Онъ отвернулся и сталъ скоблить что-то около гнилой балки.

Марья ничего не отвѣчала, только ниже опустила голову.

— Мамка, а мамка, чтожъ ты молчишь-то, какъ же быть-то? Вѣдь ѣсть хочется, сквозь слезы потянула ее за рукавъ Груня.

— Сходи, Грунюшка, къ управляющему, можетъ и дастъ, скажи ему, что съ голоду, моль, третьи, сутки не ѣвши сидимъ.

Груня неохотно двинулась въ путь.

— А какъ не дастъ? со страхомъ спросила она.

— Чтожъ? въ раздумьи сказала Марья, не дастъ, такъ съ голоду помирать придется, больше ужъ ничего не придумать—одинъ конецъ!... Груня пошла.

Гриша долго стоялъ молча, отвернувшись отъ матери, долго царапалъ ногтемъ по бревнамъ, наконецъ, обернулся и окликнулъ мать:

— Мамка, а мамка...

— Чего?

— Сряжай меня, я въ городъ пойду...

Марья сразу не поняла его.

— Куда? А-съ?

— Да въ городъ-то, на заработки!

— Ты? Да куда тебѣ? Чего ты дѣлать-то будешь?

— А чего? Въ торговлю пойду, либо на фабрику...

Идутъ же другіе... Эта мысль не приходила Марѣ въ голову; она такъ любила своихъ дѣтей, что и не думала объ разлукѣ съ ними; да и малы они ей казались... Твердый голосъ Гришутки, его спокойная, маленькая фигурка, важный видъ,—все это ей почудилось, какъ во снѣ, онъ какъ будто выросъ тутъ же на ея глазахъ, сталъ такимъ боль-

шимъ, напомнилъ Семена, и мысль объ его заработкахъ уже не казалась ей странною.

— Да какъ же ты дойдешь-то; до городу, почитай, срокъ верстъ, коли не больше?

— Дойду, все одно, умирать-то и здѣсь не сладко.

Марья вздохнула.

— Ну, Богъ съ тобой, дитятко, коли думаешь, что подь силу, такъ иди, можетъ и счастье твое.

Груня вернулась черезъ полчаса съ большимъ хлѣбомъ въ рукахъ.

— Даль, сказала она весело, только напомнилъ, чтобы намъ безпремѣнно выбиратьсѣ къ будущей недѣлѣ; говорить, прѣхалъ ужъ новый сторожъ.

За хлѣбомъ всѣ повеселѣли. Гришутку стали снаряжать въ путь: мать вынула изъ ларца отцово бѣлье и платье, кое-что перекроила, перешила, собрала въ холщевой мѣшокъ образочекъ, смѣну бѣлья, краюху хлѣба съ солью, всплакнула горько и отпустила мальчика въ городъ. Сама она пошла къ управляющему и упросила его дозволить ей прожить лѣто въ полуразвалившейся старой избѣ лѣсника, которая стояла у опушки лѣса пустая, безъ кровли, безъ двери, съ выбитымъ окномъ и разсѣвшеюся печью. Кое-какъ заткнули онѣ съ Грунею большія щели хворостомъ и мхомъ, вмѣсто крыши тоже навалили хворосту, засыпали, что можно было, землею, а дверь и окно завѣшивали на ночь тряпьемъ. Къ осени Марья надѣялась отнять отъ груди Кольку и наняться въ работницы, пока же приходилось жить, чѣмъ Богъ пошлетъ, когда въ проголодь, когда съ коркою сухаго хлѣба. Только рѣдко, когда выпадала какая-нибудь работа, тогда покупалась настоящая мучица, пекли хлѣбъ у когонибудь въ деревнѣ или же брали въ лавкѣ картофелю, или луку съ капустою.

III.

Гриша шелъ да шелъ по почтовому шоссе — устанетъ, сядетъ вздохнуть и опять поплетется. Ходить деревенскому мальчику не въ диво — ноги привычныя; къ голоду онъ тоже за послѣдніе мѣсяцы привыкъ, такъ что краюхи хлѣба ему стало дня на два. На третій день онъ зашелъ въ какую-то деревушку и попросилъ хлѣба въ одной изъ покосившихся на бокъ избенокъ.

— Куда плетешься, родимый? спросила его старуха, которая отрязала ему изрядный ломоть.

— Да вотъ, въ городъ.

Старуха покачала головой.

— Далеко вѣдь, скоро не дойти..

— Гдѣ скоро! Да вѣдь надобно, бабушка, вотъ и иду.

— А на что тебѣ городъ-то?

— Да вотъ, видишь ли, дома хлѣбушка не стало, тятка померъ, такъ въ городѣ-то хочу заработковъ поискать!

— И—ишь ты горе какое, покачала старуха опять головою. Погодь маленько, посиди тутотко, я поспрошаю у своихъ мужиковъ, никакъ они сегодня въ село Домнино ѣхали собирались, такъ и тебя прихватятъ, все верстъ двадцать бы проѣхалъ, ноженьки-то и отдохнули бы.

Старуха живо следила это дѣло и минутъ черезъ пять Гриша сидѣлъ въ избѣ за теплыми щами и сытною кашею и калякалъ съ мужиками. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ большимъ между большими и толково рассказывалъ хозяйевамъ про свое горе и надежды. Одному изъ мужиковъ, парню лѣтъ двадцати пяти, съ открытымъ, добродушнымъ лицомъ и ясными голубыми глазами, видимо, очень ужъ полюбилися смѣшленные Гриша.

— А ты, братъ, парень, я вижу, дюжій (хорошій), изъ тебя толкъ выйдетъ. Знаешь что, батюшка, обратился онъ къ старику-отцу, не послать ли его къ дядѣ Пахому? Изъ Домнина-то, вѣдь, по чугункѣ можно бы, а онъ хорошему парню радъ будетъ...

— А что, и въ правду, паренекъ, доброе дѣло, къ Пахому и то!... въ раздумьи сказалъ старикъ.

— Слышь, братъ, доѣдешь ты съ нами до Домнина, тамъ всего двѣ версты до чугунки, а по чугункѣ-то ты въ тотъ же день въ городѣ будешь. Въ городѣ у насъ живетъ дядя—спичечникъ, то есть, онъ-то самъ рѣдко ходитъ, а держитъ лавку и мальчишекъ у него, вотъ какъ ты, махонькихъ, человекъ пять, такъ тамъ тебѣ работа-то какъ разъ въ пору будетъ. Идетъ, что ли?

Гриша думалъ и соображалъ.

— Это, значить, въ разношники... говорилъ онъ. Чтожъ? и то дѣло, только, будетъ ли онъ мнѣ платить? Потому, вѣдь, мамкѣ съ сестрой, да съ дитей безъ денегъ никакъ нельзя, все хотъ на эту зиму извернуться.

— А грамотѣ ты знаешь? Счетъ, примѣрно, и записать тамъ, что-ли?

— Да кой-чего знаю, тоже двѣ зимы бѣгалъ въ школу-то, въ деревню, только большаго счета не могу.

— А ну-ко-сь, я тебя попрошу, я, вѣдь, тоже въ городѣ работалъ, кое-что маракую, сказалъ не безъ самодовольства парень. Аксютка, подай намъ уголекъ покрѣпче да почерниѣ.

Босоногая Аксютка, лѣтъ семи, порылась въ печи и принесла уголь. Начался экзаменъ на одной изъ стѣнъ вмѣсто классной доски. Оказалось, что Гриша кое-что умѣлъ, писалъ цифры такъ, что разобрать можно было, считалъ до 1000, складывалъ и вычиталъ порядочно, но дальше дѣло шло плохо.

— Ну ладно, и это будетъ, кое-что знаешь, надо такъ полагать, что Пахомъ тебѣ и жалованье какое ни на есть положить, только ты самъ не плошай, потому, онъ вѣдь купецъ, свою выгоду видить. Ну да ты малецъ шустрый, не пропадешь...

Такимъ образомъ, дѣло устроилось. Гриша доѣхалъ на другой день до села Домнина (мужики выѣхали въ ночь) и въ часъ по полудни уже сидѣлъ на станціи „чугунки“ ожидая поѣзда въ городъ. Денегъ на проѣздъ далъ ему все тотъ же добрый парень.

— На, братъ, отдашь, какъ заработаешь, это мои собственные, у старосты въ огородѣ заработалъ—все одно, хотѣлъ сестренкѣ Аксюткѣ на сарафанъ купить, да ладно,—побѣгаетъ и въ старомъ.

IV.

Гриша въ первый разъ видѣлъ чугунку, въ первый разъ ѣхалъ въ вагонѣ—все ему казалось какъ во снѣ, и станціи, и кондуктора, и множество народу; звонъ, свистъ, быстрая ѣзда, все смѣшивалось для него во что-то такое, подобного чему онъ никогда не видалъ. Онъ прижался въ уголокъ, крѣпко сжимая въ рукѣ бумажку съ адресомъ и рекомендаціей къ дядѣ Пахому и билетъ, точно боялся, что сейчасъ отъ него отнимутъ и эту бумажку, и этотъ билетъ. Наконецъ, послѣ двухъ часовой ѣзды, поѣздъ остановился въ городѣ. У входа отобрали Гришинъ билетъ, и мальчикъ очутился на большой площади незнакомаго ему города. Онъ

перешелъ площадь, вошелъ въ одну изъ улицъ и обратился къ первому встрѣчному.

— Дяденька, не знаешь-ли, гдѣ мнѣ разыскать дядю Пахома?

— Убирайся ты и съ дядей Пахомомъ, сердито крикнулъ на него пѣшеходъ и прошелъ дальше.

Гриша сробѣлъ и боялся уже обращаться къ прохожимъ.

Онъ не зналъ, какъ ему быть.

Улица оказалась одною изъ главныхъ,—широкая мощеная, съ большими каменными домами, съ лавками и магазинами,—Гришѣ показалось, что онъ очутился гдѣ-то далеко, далеко за тридевять земель, въ три-десятомъ царствѣ. Мимо него сновали взадъ и впередъ прохожіе: дамы въ нарядныхъ шляпкахъ и платьяхъ, нарядныя дѣти съ няньками, баре въ такихъ высокихъ шляпахъ „точно у сосѣдняго господскаго нѣмца управляющаго“ мелькнуло въ головѣ у Гриши. „Ужъ не нѣмцы-ли всѣ они?“ подумалось ему—но они оказались не нѣмцами, потому что разговаривали по-русски и Гриша ихъ понималъ. По мостовой мчались экипажи, плелись извозчики, проѣзжали время отъ времени общественныя кареты. Гриша прижался къ уголку какого-то подѣзда и боялся двинуться съ мѣста. Но мало по малу онъ оглядѣлся, страхъ прошелъ, а необходимость во что бы то ни стало найти дядю Пахома придала ему силъ и смѣлости. Онъ подошелъ къ какому-то служивому и попросилъ его указать, гдѣ лавка дяди Пахома. Служивый, очевидно, не особенно былъ силенъ въ грамотѣ; онъ медленно вынулъ изъ кармана футляръ съ большими очками, въ оловянной оправѣ, надѣлъ ихъ на переносы и по складамъ сталъ разбирать адресъ.

— Пахомъ Ивановъ... спичечная лавка... Воздвиженская улица... Кривой переулокъ... Э, братъ, не туда ты забрелъ, это, почитай, на другомъ концѣ будетъ, сказалъ онъ, отдавая ему адресъ. Тебѣ надо идти все прямо-прямо, потомъ повернуть направо, пройти двѣ улицы,—ну, а тамъ спросишь.

V.

Гриша побрелъ, какъ ему указали, повернулъ и направо и налѣво, попалъ въ какія-то пустыя улицы, такъ что и спросить было не у кого. Между тѣмъ смерклося. Гриша шелъ все впередъ, наконецъ, усталый, рѣшился прилечь за угломъ какого-то полусгнившаго забора и сладко проспалъ до утра.

Когда онъ проснулся, солнце уже было высоко. На улицѣ сновали пѣшеходы. Гриша вылѣзъ изъ своего угла и оглядѣлся. Хотѣлось ѣсть и пить. Въ мѣшкѣ была еще небольшая краюха хлѣба, которую онъ вчера не доѣлъ и припряталъ. Онъ съѣлъ ее съ большимъ аппетитомъ и попросилъ воды у проезжаго водовоза.

Водовозъ остановился, зачерпнулъ деревяннымъ ковшомъ изъ бочки и далъ Гришѣ.

— Ты изъ деревни что ли? куда пробираешься? спросилъ онъ. Да вотъ, дяденька, ищу одного мужика, найти не могу.

— А кто такой?

Гриша показалъ адресъ.

— Ну, садись ко мнѣ на бочку, я тебя предоставлю, куды тебѣ нужно; я, братъ, тутъ всѣ закоулки въ околоткѣ знаю и Пахому твоему въ третьемъ годѣ воду вазивалъ.

Гриша обрадовался, присѣлъ на облучокъ и они тронулись. Водовозъ нѣсколько разъ останавливался, носилъ ведрами воду въ дома, ѣхалъ медленно — Гришѣ казалось нестерпимо долго.

— А что, скоро, дяденька? спрашивалъ онъ робко.

— Больно скоро, братъ, хочешь, у насъ городъ большущій, не ваша деревня, да и работу мнѣ изъ-за тебя не бросать. Сказано, довезу, куда нужно, сиди себѣ, знай.

Наконецъ, часа черезъ два, пріѣхали въ Воздвиженскую улицу, на уголъ Криваго переулка.

Гришу провели „къ хозяину“ въ лавку. Сердце его сильно забилося, когда онъ очутился лицомъ къ лицу съ суровымъ, полнымъ, высокимъ старикомъ, отъ котораго теперь зависѣла его участь. Старикъ глянулъ не него изъ-подъ нависшихъ бровей, неторопливо и важно прочелъ записку, подумалъ, погладилъ бороду, оглянулъ Гришу еще разъ какъ-то сверху внизъ и проговорилъ:

— Служить хочешь?

Гриша мотнулъ головой. Говорить онъ не могъ, точно его холодомъ обдало.

— А счету учился?

Гриша опять мотнулъ головой.

— Да ты что молчишь-то, я, вѣдь, не укушу, не бойсь, немного ласковѣе прибавилъ Пахомъ Ивановичъ, которому, видимо, понравилась боязнь мальчика.

— Ладно, взять я тебя возьму, потому—Митрій за тебя очень просить, только, смотри, не баловаться—деньги всё сполна приносить, по трактирамъ не сидѣть, леденцовъ не покупать и меня не обманывать; въ первый разъ, что узнаю объ провинности—вонъ вышлю. Ну, ступай теперь, тамъ тебѣ все покажутъ, напоятъ и накормятъ, а жалованье положу по-недѣльно и по заслугѣ.

Гриша вздохнулъ свободно, когда вышелъ въ прикащицкую, гдѣ сидѣли за обѣдомъ пятеро такихъ же мальчугановъ, какъ онъ самъ, со старшимъ прикащикомъ, который наливалъ имъ горячихъ шей. Гришѣ тоже дали ложку, и онъ присѣлъ за общій столъ.

— Ты откуда? Чей? Кой годокъ? Грамотѣ знаешь? И по печатному? Мамка и тятка есть? посыалось на него со всѣхъ сторонъ, и Гриша едва успѣвалъ отвѣчать. Черезъ часъ онъ уже совсѣмъ освоился и даже просилъ прикащика дать ему кузовъ со спичками на равнѣ съ другими—ему такъ хотѣлось скорѣе начать, попробовать, быть при дѣлѣ.

— Ладно, поспѣешь, ишь какой прыткій, поддразнивали мальчуганы, еще надоѣсть, ноги-то намозолишь.

— Завтра пойдешь, отвѣчалъ прикащикъ, у насъ ужъ такое заведенье, что въ первый день новому рабочему гулять даютъ. Мальчики ушли, Гриша совался изъ угла въ уголь и отъ нечего дѣлать разсматривалъ прикащика, который оказался добрымъ, разговорчивымъ старичкомъ.

— У насъ, братъ, тебѣ будетъ житье хорошее, коли только самъ не сплосаешь, да не провинишься, говорилъ онъ; пуще всего хозяинъ не любить, коли лгутъ, или обманываютъ его,—все простить, какъ повинишься, а ужъ вернуться задумаешь—шабашъ,—вотъ Богъ, а вотъ порогъ. Онъ у насъ строгій, баловаться не даетъ, сейчасъ замѣтитъ, его всё и домашніе побаиваются, не то что служащіе. Ну, а ужъ за то и справедливъ: коли тебя даромъ обидить, случится, такъ самъ и повинится передъ тобой и озолотить готовъ;—сердце-то у него доброе, даромъ, что такой съ виду сердитый.

Гриша скоро привыкъ къ новому дѣлу,—весело и бодро ходилъ цѣлые дни по городу, продавалъ товаръ съ толкомъ, въ деньгахъ не путался. Ему положили жалованья рубль въ недѣлю и въ началѣ втораго мѣсяца онъ сполна выслалъ матери четыре рубля.

VI.

Быль июнь въ исходѣ. Солнце пекло невыносимо. Рядъ маленькихъ и большихъ дачъ, казалось, накалился подъ жгучими лучами. И люди, и животныя, и птицы, и мухи бродили, какъ сонные; даже комары точно забывали кусать и лѣпились по стекламъ. По пыльной дорогѣ шелъ маленький спичечникъ и выкрикивалъ передъ каждой дачей:

Идетъ мальчишка

Гри—и—ш—ка!

Несетъ папироски да спички—

Самы лу—у—чшія, купите...

У калитки одной изъ дачъ стояла дѣвочка лѣтъ пяти со своею нянею. Она была такая розовенькая, пухленькая, съ веселыми карими глазками и маленькимъ пунцовымъ ротикомъ.

— Ахъ, няня, смотри, какой мальчикъ, сказала она, слышишь, какъ онъ смѣшно кричитъ—купи у него, что онъ продаетъ.

— Да у него, душенька, спички и папиросы—зачѣмъ намъ съ тобой?

— Ну, все-таки, купи, я папѣ дамъ; купи, няня, пожалуйста... и она лукаво ластилась къ старухѣ-нянѣ.

Гриша остановился и дожидался.

— Ну, ужъ ты, вѣчно выпросишь, чего захочешь, полусердито сказала няня,—подожди тутъ, я у буфетчика денегъ спрошу. Няня пошла черезъ палисадникъ на балконъ. Дѣвочка стояла передъ Гришей, спиной къ дорогѣ, они разсматривали другъ друга.

Вдругъ пронеслось въ воздухѣ какое-то странное хрипѣнье и фырканье и что-то затопотало по дорогѣ.

Гриша взглянулъ: прямо на дѣвочку неслась большая, черная собака съ тусклыми глазами, высунутымъ языкомъ, поджатымъ хвостомъ. Изъ рта ея капала бурая пѣна, которая клочками висѣла и на мордѣ; собака фыркала, хрипѣла, взвизгивала, дрожала на ходу и мотала понурою головою.

„Бѣшеная!“ мелькнуло у Гриши въ головѣ—онъ никогда не видѣлъ бѣшеной собаки, но зналъ, что есть такія, и сразу понялъ всю опасность: дѣвочка не могла бы убѣжать, собака была въ двухъ шагахъ отъ нея, одно средство—защищать ее. Гриша и не подумалъ о себѣ. „Некогда было“,

разсказываль онъ потомъ. Онъ въ одинъ мигъ сбросилъ ремень съ ящикомъ на землю, оттолкнулъ дѣвочку къ калиткѣ и загородилъ ее. Собака бросилась на него и вцѣпилась ему въ правую руку. Онъ крикнулъ отъ боли, но другою свободною рукою изо всѣхъ силъ сдавилъ ей горло. Оба они повалились на землю, но ни собака не думала выпускать руки Гриши, ни Гриша не переставалъ душить собаку. Дѣвочка съ испугу остолбенѣла и не могла ни крикнуть, ни сдвинуться съ мѣста.

Въ эту минуту на балконѣ дачи показалась няня съ мѣдною монетою въ рукахъ. Она увидѣла всю сцену, громко вскрикнула, выронила изъ рукъ монету и бросилась къ дѣвочкѣ.

— Манечка, маточка моя, причитала она,—унося дѣвочку,—спасите, помогите!

На ея крики сбѣжалось человѣкъ десять прислуги съ сосѣднихъ дачъ, на балконы повысыпали дачники, но никто не рѣшался высвободить Гришу отъ бѣшеной собаки. Наконецъ, плотникъ съ сосѣдней дачи схватилъ свой топоръ, изо всей силы такъ ударилъ собаку въ голову, что и убилъ ее на мѣстѣ.

Гриша лежалъ на землѣ безъ чувствъ.

— Доктора бы, братцы, говорилъ плотникъ, наклонившись надъ нимъ—жалъ парнишку-то... Кто-то побѣжалъ за докторомъ. Въ эту минуту, запыхавшись, выбѣжала съ дачи нянька.

— Гдѣ онъ, мой голубчикъ, гдѣ онъ? кричала она, и пробивалась сквозь толпу, которая все росла. Живъ ли? вѣдь онъ мою барышню спасъ, загрызла бы ее собака... Она встала передъ нимъ на колѣни, взяла раненую руку и стала медленно высасывать сочившуюся кровь.

— Что ты, старая? Али тебѣ жизнь не мила? говорили вокругъ, но она никого не слушала—высасывала и сплевывала...

Пришелъ докторъ.

— Молодецъ—старуха, что дѣло, то дѣло, похвалилъ онъ, развязывая инструменты. Мать, что-ли?

— Нѣтъ, батюшка, да онъ мою барышню спасъ, какъ же ему помирать-то? Вѣдь на моей душѣ грѣхъ-то былъ бы, вѣдь я, старая, не усмотрѣла за господскимъ дитемъ, говорила она.

— Ну, хорошо, хорошо, авось и вылечимъ.

Докторъ проворно прижегъ рану ляписомъ и приказалъ отвезти Гришу въ больницу. Навели справки и дали знать Пахому Ивановичу, а тотъ въ свою очередь оповѣстилъ мать Гриши.

„Чего до грѣха! Еще умереть, пожалуй, а у меня и видъ не выправленъ“, говорилъ онъ и послалъ ей денегъ на „чугунку“, чтобы скорѣе пріѣхала. Какъ громомъ поразила Марью эта вѣсть. Только что получила она по почтѣ обычные четыре рубля и веселое, полное надеждъ письмо и— вотъ! опять невзгода.

— Грунюшка, я сберусь къ нему... сказала она, когда вдосталь выплакалась.

— А Колька какъ-же, мамка?

— Охъ, Грунюшка, тяжело мнѣ и Кольку оставить— чѣмъ кормить будешь? Да вѣдь и тотъ свой, вѣдь кровный. Грунюшка, сердце-то на клочки рвется, не знаю, что и придумать.

Груня тоже задумалась.

— А вотъ что, мамка, сбѣгаю-ка я къ Миколихѣ—она меня давно въ няньки зоветъ къ своему грудному—авось возьметъ насъ съ Колькой—онъ вѣдь большой, ползаетъ, я управлюсь,—а у Миколихи молока вдоволь—двѣ коровы.

— Охъ, золотая ты моя, спасибо тебѣ, ты у меня разумница, повеселѣла Марья.

Миколиха-старостиha согласилась взять Груню съ Колькой—Груня слыла за дѣвочку расторопную, да и предлагала служить бесплатно, за харчи.

Марья отправилась въ путь.

VII.

Небольшая, чистая палата въ четыре кровати. Паркетъ такъ и блеститъ, заново выкрашенные стѣны перловаго цвѣта такъ и лоснятся, стекла въ окнахъ такъ прозрачны, какъ будто бы ихъ и не было—всюду видна заботливость, вниманіе.

На кроватяхъ чистое бѣлье и пушистыя, бѣлыя одѣяла съ красными полосами, между кроватями ясные столики. На одномъ изъ нихъ стоятъ разныя бутылки, стеклянки, баночки, между которыми возвышается большая глиняная

кружка съ питьемъ. Занята только одна кровать, а три стоять пустыя. Въ углу, у окна, сидить съ вязаньемъ сидѣлка и дремлетъ. Сторы спущены. Одно окно, крайнее, открыто, и въ него врываються потоки полдневнаго жара и свѣта. На кровати въ жару мечется Гриша;—это уже четвертый день болѣзни, а ему все не лучше; жаръ то усиливается, то спадаетъ, лихорадочное состояніе не прекращается. Два раза была у него нянька, справлялась у главнаго доктора, есть ли надежда, что онъ выздоровѣетъ.

— Не могу вамъ пока ничего сказать—случай опасный, сильное потрясеніе—можетъ сдѣлаться воспаленіе мозга.

— Да чтожъ онъ, батюшка, отъ яду это что ли? Видно жъ, старая, худо высосала, али докторъ не прижогъ, какъ быть должно? разспрашивала старуха, утирая слезы.

— Ничего пока нельзя опредѣлить, отвѣчалъ докторъ и прошелъ дальше. Приѣзжалъ въ лечебницу и отецъ спасенной дѣвочки, долго о чемъ-то бесѣдовалъ съ докторомъ, о чемъ-то очень просилъ его. А Гришѣ все не легчало—онъ никого не узнавалъ, метался, бредилъ,—доктора только пожимали плечами.

Въ корридорѣ слышались шаги. Сидѣлка встала и отворила дверь—передъ нею стояли одна изъ сестеръ въ коричневомъ платьѣ и бѣлой пелеринѣ и сгорбленная, худая, но еще не старая женщина въ поношенномъ сарафанѣ и дырявомъ шугаѣ.

— Гдѣ онъ, мой голубчикъ? шептала, охая и плача, Марья.

— Вотъ, матушка, указала ей сестра. Вы тутъ посидите до главнаго доктора, тогда у него и попросите позволенія остаться при вашемъ сынѣ—можетъ быть и разрѣшить, а я вамъ ничего позволить не могу.

— Охъ, ужъ буду просить, въ ногахъ валяться буду, ужъ вымолю, вѣдь человеческое же у него сердце, какъ же матери не остаться при родимомъ дѣтищѣ. Сестра ушла. Марья тихо подошла къ постели, но, увидѣвъ болѣзненное горячее лицо своего Гриши, съ тусклыми, неподвижными глазами, не вытерпѣла, громко зарыдала и упала передъ кроватью на колѣни.

— Батюшка мой, голубчикъ мой, кормилецъ мой, могла она только выговорить,—охъ, горько мнѣ, охъ, тошнехонько!...

Сидѣлка подошла къ ней и тронула ее за плечо.

— Слушай, тетка, не убивайся, вѣдь не померъ еще, авось доктора и вылечатъ.

— Слышь, встань, главный докторъ идетъ, не хорошо, прогнать, онъ у насъ строгій...

Марья сдѣлала надъ собою невѣроятное усиліе, поднялась, зажала ротъ передникомъ, схватила за грудь и замерла въ ожиданіи главнаго доктора. Вошелъ высокій, худощавый старикъ съ серьезнымъ лицомъ и задумчивыми синими глазами. Бѣлокурые съ просьбою волосы его густо висли надъ высокимъ лбомъ; маленькая, блѣдная рука съ синими жилками сжимала какой-то свертокъ, а на губахъ скользила по временамъ задумчивая улыбка. За нимъ шли еще двое докторовъ и сестра, но Марья видѣла только его одного.

— Батюшка, кормилецъ, благодѣтель, не оставь, позволь за тебя Бога молить, говорила она, и повалилась въ ноги.

— Что ей надобно? О чемъ она просить? обратился докторъ къ сестрѣ.

— Это мать, просить остаться при сынѣ, пояснила она.

— А—а! протянулъ докторъ и заговорилъ о чемъ-то съ докторами по-нѣмецки.

Марья встала и съ замирающимъ сердцемъ ждала рѣшенія. Докторъ обратился, наконецъ, къ ней.

— Хорошо, матушка, вы можете остаться, только съ условіемъ—не мѣшать намъ лечить, слушаться, что я вамъ буду приказывать, не дѣлать ничего, что вашему сыну вредно—онъ очень опасно боленъ и малѣйшая неосторожность можетъ ему повредить.

— Спасибо, кормилецъ, какже ужъ, нешто я не мать своему Гришенькѣ, все буду исполнять, какъ прикажешь, ни словечка не пропущу.

— Ну, то-то же, улыбнулся докторъ и сталъ осматривать больного. Марья издалека присматривалась къ тому, что дѣлалъ докторъ; она теперь вся жила въ своемъ больномъ ребенкѣ и хотя не все понимала, но чутьемъ угадывала, что было надобно. Вотъ развязали рану больного—сжалось Марьино сердце, когда она увидѣла большое, черное пятно съ опухшими краями; но она сдержала себя, придвинулась ближе и смотрѣла дальше: вотъ обмыли рану и прижгли чѣмъ то, видно больно, мальчикъ такъ и съежился въ рукахъ у доктора, который держалъ его; Марья подумалось, что она бы держала Гришеньку нѣжнѣе, но она не

осмѣлилась подойти. Потомъ стали накладывать корпію, потомъ забинтовали и положили въ лубокъ—зачѣмъ это дѣлалось, Марья не понимала, но она вѣрила, что все это было надобно и съ надеждою смотрѣла на докторовъ. Покончивъ съ больнымъ, докторъ опять подошелъ къ Марѣ:

— Что, тетушка, вы, кажется, изъ бѣдныхъ? Изъ деревни, или здѣсь живете?

Марья передала ему, какъ умѣла обо всѣхъ своихъ невзгодахъ, и онъ слушалъ ее съ видимымъ интересомъ. Нѣсколько разъ большіе, задумчивые глаза его съ любопытствомъ, какъ будто невольно, переходили съ Марьи на воспаленное лицо Гриши; и когда онъ ее выслушалъ, онъ сказалъ:

— Не горюйте, авось намъ удастся вылечить его. А пока будемъ ждать. Потомъ, обратясь къ сестрѣ, прибавилъ еще что-то въ полъ-голоса, чего Марья не слышала.

— Что онъ еще то сказалъ, сударыня? спросила она у вернувшейся сестры.

— Онъ распорядился, чтобы вамъ посылали кушанье съ его кухни и чтобы сейчасъ же извѣстили его, если мальчику станетъ хуже.

— Вотъ, вѣдь, какое золотое сердце, я ужъ это по глазамъ видѣла, говорила Марья, усаживаясь у постели Гриши.

О. Шмидтъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ВЪ НОЧИ.

БЕРЕГА уступами изрыты
И висятъ наклонно надъ потокомъ;
А по нимъ, питаюсь скуднымъ сокомъ
Вязкой глины, лѣплятся ракиты!

* * *

Ихъ корней узлятся всюду гнѣзда,
Словно гнѣзда великана-птицы...
Въ небесахъ же ярко блещутъ звѣзды,
Загораясь, теплятся зарницы!..

* * *

Пусть гремитъ ущелье водной битью,
На вершинѣ молкнетъ эхо гула:
Мирнымъ сномъ природа здѣсь уснула,
Отдалась небесному наитью!

Викторъ Мюръ.

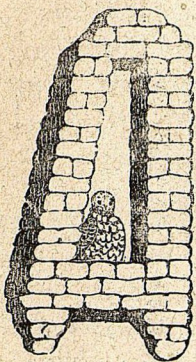

НАШЪ ЮГЪ.

VII.

Ялта и ея окрестности.

АЕНЬ блистательный. Ароматный горный вѣтерокъ слегка охлаждаетъ жаръ. Коляска, заложенная тройкой, готова. Мы завтракаемъ и отправляемся въ путь. Надобно показать Делъ замѣчательнѣйшія мѣстечки южнаго берега, всѣ лежація въ недалекомъ разстояніи отъ Ялты.

Вотъ мы катимъ по шоссе, спускаясь постепенно къ Ялтѣ. Въ уютномъ городкѣ намъ встрѣчаются его жители, неторопливо двигающіеся по набережной, и тихій прибой моря, едва набѣгавшаго на плоскій берегъ. Кто желаетъ видѣть суету города, познакомиться съ его полу-татарскимъ характеромъ, тотъ долженъ заглянуть подъ широкія ворота пестраго зданія, гдѣ помѣщается гостинница „Ялта“, отъ которыхъ въглубь идетъ узкая, извилистая базарная улица.

Въ воротахъ, подъ глубокими сводами, сидятъ на землѣ болтливыя торговки и торговцы, татары, русскіе, греки, и продаютъ товаръ низшаго сорта. Далѣе, по улицѣ, тянутся ряды лавокъ и лавченокъ, наполненные всякой всячиной. Иной же товаръ, какъ-то: рыба и зелень, преспокойно на-

валенъ грудами прямо на землѣ, на самой улицѣ. Толстыя еврейки, сидя подлѣ своихъ лавченокъ, вяжутъ чулки и визгливо перебраниваются. Раздирательно скрипятъ немазанные колеса татарской мажары, которую тащутъ лѣнливо выступающіе волю. Грязный грекъ несетъ на спинѣ куль, величиной съ пригорокъ; босоногій татарченокъ несется вскачь на бодрой, маленькой лошадекѣ; крикъ, брань, гамъ и смѣхъ. Евреи, татары, русскіе, греки и караимы *); смѣсь костюмовъ, типовъ и нарѣчій, а сзади, изъ-за крышъ лавокъ, тянутся къ яркому небу стройные кипарисы, а еще дальше высятся, покрытыя сочной зеленью, горы.

Оригинальны также здѣшнія греческія и татарскія булочныя. Въ стѣнѣ продѣлывается огромное, полукруглое отверстіе или окно, вышиною отъ земли на аршинъ. Косякъ окна замѣняетъ полъ этой каморки, примыкающей задней стороной къ огромной печкѣ, въ которой пекутся хлѣбы; на переднемъ планѣ косяка разложенъ грудами уже готовый хлѣбъ, подлѣ котораго полулежитъ и его хозяинъ, флегматически поглядывая на проходящихъ, и лѣнливо подавая имъ, по требованію, или франзолъ (такъ называемыя въ Крыму французскія булки) или бублики (круглые, мягкіе крендели). Эти булочныя-пекарни встрѣчаются такъ же часто, какъ фонтаны-водометы, обложенные камнемъ, украшенные вырѣзными татарскими рисунками.

Чрезвычайно оживленъ былъ и фруктовый рынокъ, помѣщающійся подлѣ моста, надъ водою. Площадь его окружена, украшенными рѣзбой, полу-открытыми лавками, которыя вечеромъ освѣщаются разноцвѣтными фонариками. Лавки наполнены ягодами, виноградомъ и всевозможными фруктами, какъ свѣжими, такъ и сушеными.

По срединѣ площадки, на полу, выложенномъ досками, навалены грудами: арбузы, дыни, кукуруза, баклажаны и по-

---

*) Особая еврейская секта, не питающая той ненависти къ христіанскому ученію, какъ другіе евреи. Народъ очень честный, трудолюбивый и чистоплотный.

мадоры (огородныя овощи, служащія очень пріятной приправой къ кушаньямъ).

За мостомъ потянулись самые красивые городскіе дома-дачи, съ широкими балконами и цвѣточными садами. Минувши ихъ, мы стали понемногу подниматься, направляясь къ ближайшему изъ замѣчательныхъ имѣній—къ Ливадіи, лежащей по ту сторону Ялты въ четырехъ отъ нея верстахъ. Ливадія (съ татарскаго слова: лугъ, луговина) принадлежала покойной Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, она очень любила это имѣніе и почти ежегодно навѣщала его.

Ливадія.

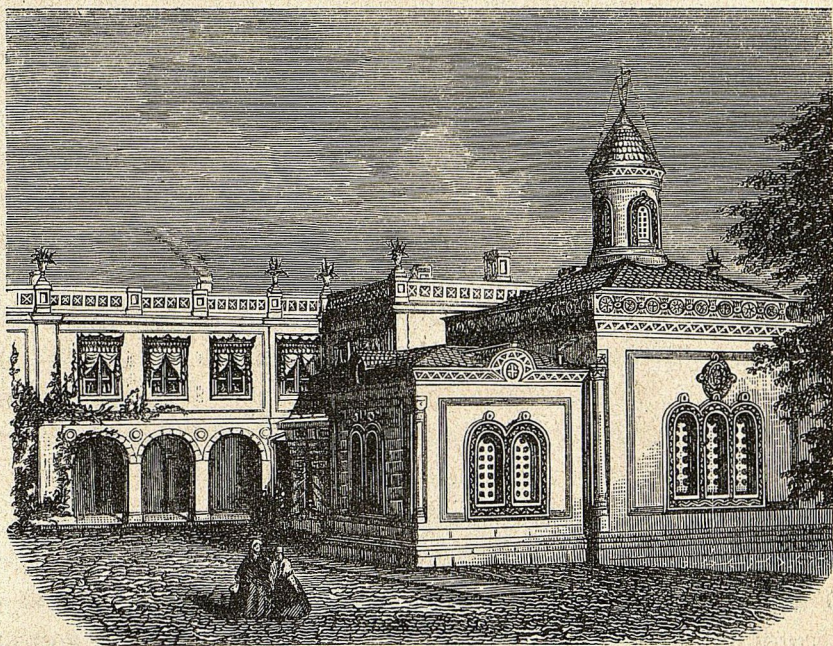
Когда вы подъѣзжаете къ Ливадіи, васъ прежде всего поражаетъ тщательная обработка обширныхъ виноградниковъ имѣнія, съ уютными сторожками въ родѣ павильоновъ. Черезъ рѣзныя ворота съ императорскимъ гербомъ, обвитыми ползучей зеленью, мы въѣхали въ начало парка, тутъ оставили коляску и пошли ко дворцу. Всѣ зданія дворца, построеннаго по изящнымъ рисункамъ архитектора Монигетти, своимъ легкимъ стилемъ вполнѣ соотвѣтствуютъ лѣтнему южному пребыванію. Эти воздушные вырѣзные балконы и веранды, возвышающіеся одни надъ другими, густо обвитые виноградомъ и другими ползучими растеніями; эти тѣнистые галлерей и переходы, съ внутренними двориками, среди которыхъ тихо журчатъ фонтаны — все это изящно, легко, красиво; а кругомъ дворца ярко-зеленые свѣже-политые газоны, масса пестрыхъ цвѣтовъ и всюду прелестные, обложенные мраморомъ, фонтаны.

Отдѣлка внутри большаго дворца такъ же изящна, какъ и снаружи, также плѣняетъ вкусомъ и отсутствіемъ излишней для загороднаго дворца роскоши. Стѣны всѣхъ комнатъ увѣшаны картинами, большею частію работы профессора Айвазовскаго, изучившаго крымскую природу и перенес-

шаго на полотно прозрачность морской волны; прекрасными акварелями работы итальянского художника Ромако и хорошими гравюрами и фотографіями.

Красивая, пышно обвитая зеленою галлерей соединяет дворец съ церковью. Церковь вся изъ бѣлоснѣжнаго мрамора, съ мраморными изящными украшеніями, построенная въ византійскомъ вкусѣ. Небольшая, стройная, изящно красивая, она дышетъ такой чистотой и простотой, что располагаетъ къ молитвѣ даже своимъ внѣшнимъ видомъ. Кое-гдѣ

Церковь въ Ливадіи.

по бѣлой стѣнѣ граціозно вьется отдѣльная вѣтка ползучей зелени, часть церкви же, обращенной къ парку, до того густо обвита растеніями, что изъ-за массы зелени выдѣляется только большой, бѣлый мраморный крестъ. Внутри церкви соблюденъ самый строгій византійскій стиль. Какъ потолокъ, такъ и стѣны всѣ сплошь расписаны. Въ живописи

главное участіе принималъ даровитый академикъ Бейдеманъ. Между живописью, всѣ украшенія сдѣланы изъ пестрыхъ крымскихъ мраморовъ, а иконостасъ весь изъ одного бѣлаго мрамора.

За церковью идутъ красивыя зданія оранжерей и разныхъ помѣщеній для свиты и служащихъ. Еще далѣе, изъ густой зелени парка, выглядываетъ прелестный дворецъ Наслѣдника, построенный во вкусѣ турецкихъ кіосковъ; съ прозрачной рѣзбой, весь въ зелени и цвѣтахъ.

Паркъ разбитъ по уступамъ, спускающимся къ морю. Его веселыя, нарядныя аллеи, свѣжіе яркіе газоны, тѣнистые уголки, съ лѣнливо журчащими фонтанами, блескъ моря внизу и граціозныя очертанія дворцовыхъ зданій вверху,—все это сливается въ одну цѣльную гармоническую картину. Изъ аллей, самая красивая тянется среди двухъ стѣнъ высокихъ кипарисовъ и упирается въ полукруглую оплетенную зеленью арку. Наверху арки рѣзко отдѣляется на голубомъ фонѣ неба бѣлая съ позолотой, мавританская бесѣдка, къ ней ведутъ двѣ каменные лѣстницы, устроенныя по сторонамъ арки. Изъ бесѣдки открывается видъ прямо на море.

Оріанда.

Осмотрѣвъ Ливадію, мы поѣхали въ другое, сосѣднее съ нею имѣніе Оріанда, принадлежащее Великому Князю Константину Николаевичу. Чтобы достигъ дворца, надобно проѣхать частью окружающаго его громаднаго парка, и нѣсколько времени ѣхать длинной, прозрачной галлереей (или перголой, какъ зовутъ ихъ въ Италіи), обвитой виноградомъ, такъ что пышныя виноградныя кисти спускаются съ прозрачнаго потолка галлерей, почти надъ вашей головой.

Дворецъ Оріанды не имѣетъ того легкаго, чисто лѣтняго стиля, какъ дворцы Ливадіи. Это массивное, бѣлое каменное зданіе, въ нѣсколько этажей, главную красу котораго со-

ставляют балконы и внутренніе дворики, въ помпеевскомъ вкусѣ. Близъ дворца, окруженнаго цвѣтниками, надъ маленькимъ, круглымъ прудомъ, осыненнымъ прекрасными плакучими ивами—возвышается, сплошь покрытая лѣсомъ, гора, на вершинѣ которой стоитъ круглая изъ бѣлыхъ колоннъ ротонда, съ великолѣпнымъ видомъ на море, горы и даль. Съ другой горы—Крестовой, названной такъ потому, что на самой верхней ея точкѣ, надъ обрывомъ, вдѣланъ крестъ, открывается видъ еще прекраснѣе.

Превосходный паркъ Оріанды отличается своей грандіозной дикой природой. Куда ни пойдете вы, то по широкимъ, то по узкимъ разчищеннымъ дорожкамъ, васъ поражаетъ масса густой растительности, громадныхъ деревьевъ, перепутавшихся своими вѣтками, оплетенныхъ плющемъ, клематисомъ и дикимъ виноградомъ, вѣтви котораго иногда извиваются будто змѣи и, опутавъ дерево, свѣшиваются внизъ ланами. Внизу, среди глухой листвы, журчитъ вода; то тамъ, то сямъ, высятся угрюмыя желтоватыя скалы, то обвитыя плющемъ, то совсѣмъ обнаженныя, изъ разщелинъ которыхъ виднѣются, въ воздухѣ повиснувъ головой, деревья арбутуса *), съ ихъ краснымъ, будто выкрашеннымъ стволомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ скалъ проходятъ природныя гроты, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ одинъ, называемый разбойничьимъ, онъ служилъ, какъ рассказываютъ, въ прежнія времена прибѣжищемъ морскимъ разбойникамъ (пиратамъ). Такія же странныя скалы раскинуты и на самомъ берегу моря, которое плещетъ о нихъ своею прозрачною волной.

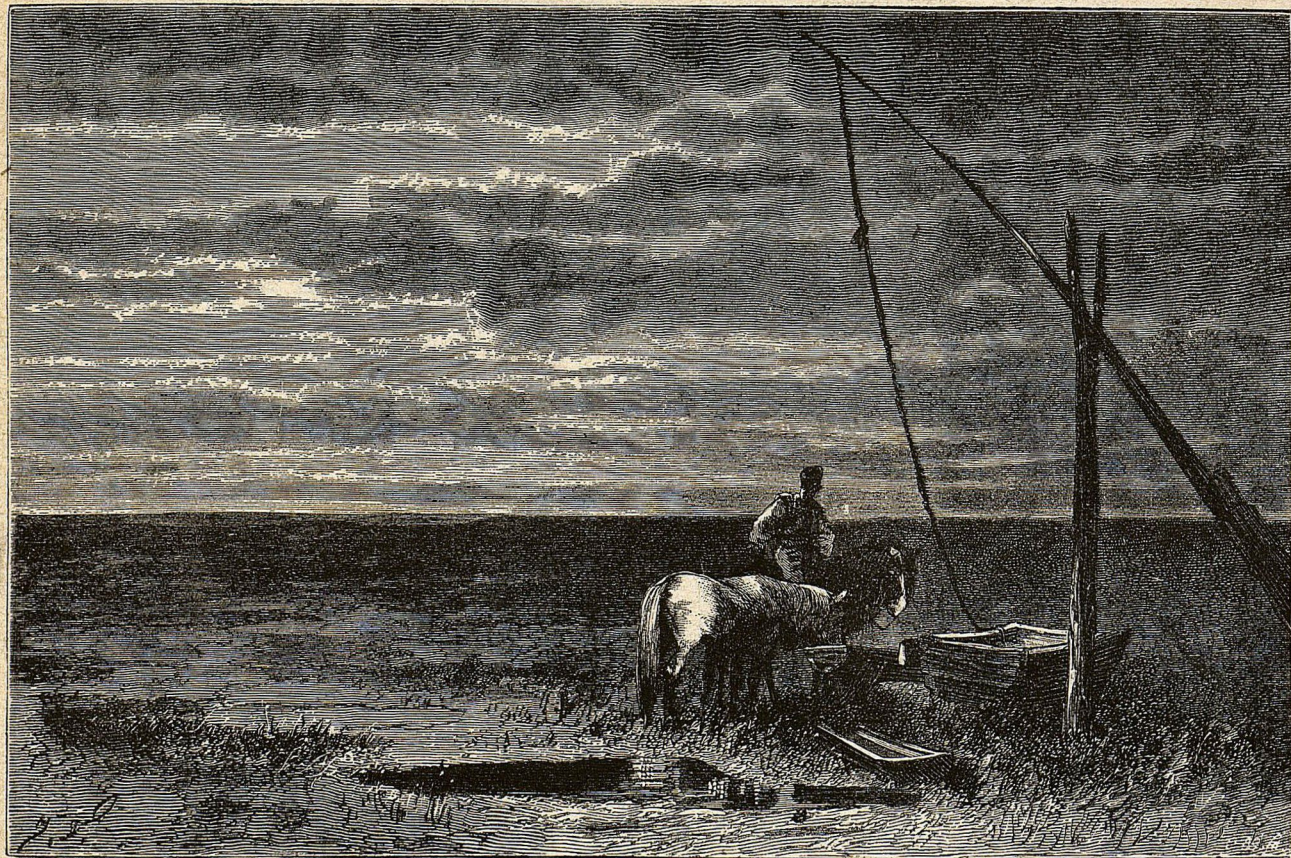
С. Лаврентьева.

(Продолженіе будетъ).

---

*) Арбутусъ или земляничное дерево. Къ осени сбрасываетъ лохмотьями свою красную кору и стволъ его принимаетъ свѣтло желтый, полированный цвѣтъ. Имѣетъ красныя, шероховатыя ягоды прѣснаго вкуса, съ слегка земляничнымъ запахомъ.

ОДНА ИЗЪ ПУСТЫННЫХЪ МѢСТНОСТЕЙ ВЪ ВЕНГРИИ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕЕВЪ.

Доволнено цензурою. С.-Петербургъ, 14 марта 1881 г.

Типографія А. С. Овчинина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.